

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

АЛЕКСАНДР
ДОЛГИРЕВ

Продавец
КРОВИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д64

Художник *А. Дурасов*

Долгирев, Александр Сергеевич.

Д64 Продавец крови / Александр Долгирев. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-235357-4

Конец тридцатых годов. Во дворе одного из московских домов обнаружен полностью обескровленный труп. Лейтенанты МУРа Дмитрий Белкин и Евгений Таратин устанавливают мусоровоз, на котором перевозили страшный груз. Но допросить водителей мусоровоза не удается: одного из них находят убитым, другой пускается в бега. Очевидно, кто-то старается избавиться от ненужных свидетелей... В ходе расследования оперативники обнаруживают целый склад обескровленных тел и вспоминают, что подобные нападения уже имели место несколько лет назад. Тогда жертвами становились молодые женщины. Одной из них, к счастью, удалось выжить. Ее жуткий рассказ выводит сыщиков на необычного маньяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235357-4

© Долгирев А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Москва. Сентябрь 1937 года

Дмитрий Белкин поежился и зябко потер руки. Была еще только середина сентября, а по утрам уже холодно. Белкин не сдержал зевок, и ровно в этот момент старенький автобус наскочил на какой-то особенно неприятный ухаб или яму. Автомобиль со скрипом подпрыгнул, и Дмитрий подпрыгнул вместе с ним. Когда сила притяжения взяла свое и приземлила следователя на потертое сиденье, его челюсти непроизвольно сомкнулись, и он лишь чудом не прикусил себе язык до крови. Беззлобно чертыхнулся и хмуро уставился в окно.

Ему нравилась утренняя Москва. Этот шумный, беспорядочный город истекал людьми из всех отверстий, людское мельтешение не останавливалось никогда...

Белкин поймал лицом лучи утреннего солнца и постарался улыбнуться. Получилось вымученно — он не любил себя в такие моменты, когда его недуг обострялся и грубо напоминал о себе.

Дмитрий знал, что день будет тяжелым. Знал об этом с того самого момента, когда Зина разбудила его, вырвав из липкого сна о прошлом. За ним заехали и повезли куда-то — он не стал толком вдаваться, куда именно. Туда, где нашли труп.

Автомобиль противно взвизгнул, потом устало рыкнул, вздрогнул, легко подтолкнув вперед всех, кто находился внутри, и, наконец, затих. Белкин энергично потер лицо руками, стряхивая с себя остатки сонного оцепенения, и преувеличенно бодро выскочил наружу.

Это был старый дворик, похожий на все старые дворики. В двух шагах отсюда — через арку и поворот — был широкий, шумный и кичливый проспект, а здесь — ушедший век. Почему-то пахло мокрым железом.

Дмитрий сразу заметил небольшую группу людей, стоявшую над каким-то мешком: двое милиционеров, двое ранних работяг и кто-то еще. Вроде тоже трудящийся, но что-то в нем было не так. Белкин присмотрелся к нему внимательнее, но не смог сказать ничего определенного, кроме того, что этот человек умел себя держать.

Один из милиционеров повернулся к Белкину и тем, кто был с ним. Его лицо уже успело изобразить нарочито скучающую гримасу, с которой людей просят не лезть не в свое дело, но разум сгладил ее до благожелательного облегчения. Белкин достал удостоверение и представился:

— Московский уголовный розыск, младший лейтенант Белкин.

— Милиционер Усков.

— Младший лейтенант Таратин!

Женя Таратин чуть не прокричал свое имя, спешно поравнявшись с Белкиным. Дмитрий едва заметно поморщился, но тут же смирил свои чувства — Таратин был следователем, и ему действительно нужно было себя назвать. Второй человек, прибывший с Белкиным, грузный и ворчливый криминалист Пиотровский, пребывал

в настолько отвратительном настроении, что не стал снисходить до разговора. Это было не от высокомерия по отношению к милиционеру Ускову — он и с Белкиным обошелся только приветственным кивком, когда Дмитрий садился в служебный автобус.

— Что здесь?

— Да труп у нас, товарищ следователь.

— Это я вижу...

Белкин уже некоторое время смотрел на вспоротый холщовый мешок, из которого выглядывали отдельные детали скрывавшегося там трупа. Обнаженное костистое мужское колено с небольшим количеством волос, окоченелая рука, стоявшая под почти прямым углом расслабленной кистью вверх. Бескровная бледная кожа навевала на Белкина странные ассоциации с мясным цехом. Наконец, кончик носа и лоб — все остальное лицо было скрыто тенями и тканью мешка, в котором кто-то перевозил мрачный груз.

Все это время Усков говорил, и говорил много, но Белкин слышал только самое важное. В без четверти шесть утра в отделение пришел гражданин Прохоров, дворник. Он сообщил, что обнаружил труп в мешке во время утренней уборки. После этого дежурный направил милиционеров Ускова и Лягно на место преступления вместе с Прохоровым, а также позвонил на Петровку.

— ...ну с тех пор, значит, вас и ждали.

— Понятно.

Белкин окинул взглядом фигуры троих людей, которые не имели к милиции никакого отношения, и, понизив голос, обратился к Ускову:

— А эти товарищи что здесь делают?

Усков ткнул пальцем себе за спину и громко ответил:

— Так это товарищ Прохоров, который труп-то нашел.

Дмитрий отошел от милиционера и обратился к гражданским:

— Кто из вас Прохоров?

— Я — Прохоров, — отозвался тот самый человек, который обратил на себя внимание Белкина. Дворник?

— Так, а вы кто такие, товарищи?

Один из рабочих бросил взгляд на Прохорова, и тот ответил за них:

— Я попросил ребяток посторожить, пока милиция подъедет.

— Вы видели что-то?

— Нет, они уже после того, как я жм... труп нашел, появились, — вновь ответил Прохоров.

— В таком случае, товарищи, я вас не задерживаю. Подойдите, пожалуйста, к товарищу Таратину — пускай он запишет ваши имена и адреса. После этого можете быть свободными — если кому-то нужны объяснительные на службу, товарищ Таратин вам поможет.

Ребята дождались кивка Прохорова и отправились к Таратину, склонившемуся над трупом и смотревшему через плечо Пиотровского. Нестор Адрианович этого не любил, и Белкин почти не сомневался, что скоро криминалист начнет упражняться в желчном остроумии над его младшим коллегой. Это вызвало у него мимолетную улыбку, однако уже в следующее мгновение Белкин обернулся к Прохорову и кивнул ему головой на одну из ближних лавочек — там можно было пообщаться относительно свободно.

Прохорову было от сорока до пятидесяти. Он не был широк в плечах или крепок фигурой, хотя Белкин по

опыту знал, что такие жилистые «заморыши» держатся на ногах дольше всех. Одежда его тоже не обращала на себя внимания аккуратностью или дороговизной, хотя, конечно, на дворника он не был похож. Главная черта Прохорова заключалась не во внешних признаках, не в атрибутах, а во внутреннем напряжении. Белкин был не очень чуток к таким вещам, но тут и не требовалось особенной проницательности — достаточно было обменяться с Прохоровым парой фраз, чтобы понять, что этот человек привык приказывать и умел заставить свои приказы выполнять.

— Вы ведь никакой не дворник, товарищ Прохоров, — заметил Дмитрий.

— А я и не товарищ, начальник.

— Надеюсь, что вы хотя бы Прохоров.

— Прохоров. Ну или Прохор. Знаешь меня?

— Нет, а должен?

— Пожалуй, что нет. Я в силе был еще до тебя, Дмитрий Белкин.

— Так. А ты меня откуда знаешь?

Прохоров усмехнулся, и Белкин увидел несколько золотых зубов.

— А я все знаю, начальник. Знаю об учителе твоём, Викторе Палыче Стрельникове, знаю о том отморожке, который шесть лет назад воду взбаламутил. И о нраве твоём чудном знаю — что числа большие в уме перемножаешь, да искать умеешь, как никто другой во всем МУРе. Хорошо, что тебя сразу прислали — я опасался, что поначалу придется иметь дело с кем-то вроде этого вот... — кивнул Прохоров на Таратина, который отошел от трупа и теперь о чем-то разговаривал с милиционерами.

— И что, ты вот прямо со мной хотел пообщаться? А если бы прислали кого-то другого?

— Тогда пришлось бы выходить на тебя по-другому.

Белкин заставил себя посмотреть в глаза «дворнику». Прохоров не угрожал и не пытался красоваться. У Дмитрия сложилось впечатление, что «авторитету» что-то от него нужно. И нужно сильно. Настолько сильно, что он действительно бы вышел на него, если бы судьба подкинула этого мертвеца в мешке какому-то другому следователю. Поразмыслив над этим пару секунд, Дмитрий произнес:

— Ладно. Зачем устроил весь этот цирк? Кто это? — мотнул он головой на мешок.

— В том-то и дело, начальник, что я не знаю. И никто не знает. Только «жмур» этот не первый. Вы, когда его внимательно рассмотрите да общупаете за все нужные места, сильно удивитесь. Я вот очень сильно удивился.

— Что ты имеешь в виду?

— Лучше, чтобы тебе это Нестор Адрианыч сказал — ему ты поверишь и не будешь глупых вопросов задавать.

Белкина начинала раздражать вся эта загадочность.

— Слушай, Прохор, если ты так хорошо меня знаешь, то знаешь и то, что до меня плохо доходит, когда со мной намеками говорят. Если у вас там что-то приключилось и ты хочешь за счет МУРа свои дела порешать, то ты не по адресу.

Прохоров долго молчал. Белкину даже стало казаться, что разговор закончен, но ровно в тот момент, когда он собирался подняться на ноги, Прохоров заговорил:

— Кто-то творит произвол. И произвол... гнилой. Совсем гнилой. Мы не можем с ним разобраться сами — поверь, мы бы сделали это, если бы могли. Я не знаю,

ПРОДАВЕЦ КРОВИ

получится ли у тебя, но Палыч сказал, что лучшего человека в Москве все равно нет.

— Это почему?

— А у тебя обостренное чувство справедливости.

— Ладно. Раз ты уже пытался решить проблему сам, подскажи, с чего мне начать.

— Это можно. Начни с грузовика с номером МЛ-40-73. Он проезжает здесь каждое утро, и время от времени возит... особый груз.

— Это все?

— Пока — да.

— Как тебя найти, если ты мне понадобишься?

— Суббота-воскресенье я выходной, а в остальные дни — здесь.

— Ты что, действительно дворник?

— Поэтому я с тобой и разговариваю — мне можно.

— Ладно, передавай привет Виктору Павловичу.

— Сам передавай. Забыл старика — некрасиво.

Белкин ничего не ответил и отвернулся от Прохорова.

* * *

Мертвец был молодым мужчиной — вряд ли больше двадцати пяти лет от роду, скорее меньше. Растрепанные и довольно длинные черные волосы закрывали его лоб и доходили до прикрытых глаз. На лице не было синяков или ссадин — по крайней мере, Дмитрий их не заметил. Мертвец был полностью обнажен, правая рука подогнулась за спину, а вот левая торчала вверх — это Дмитрий заметил еще раньше. А вот чего он прежде не разглядел, так это характерного синяка на бледном запястье — мертвец был привязан или прикован к че-

му-то наручниками. Белкин пригляделся — скорее все же привязан.

Мешок помимо трупа содержал в себе солому, которая создавала впечатление некоего ложа для мертвеца. Белкин не видел ничего, что могло бы указать на причину смерти, и это было странно. Если бы не следы от веревки, вообще нельзя было бы сказать, что этот мертвец по их части. Он обратился к Пиотровскому:

— Нестор Адрианович, место можно подробно не осматривать — тело сюда перенесли.

Пиотровский, не поднимая головы от трупа, проворчал:

— И кто же такой умный?

— Дворник, который нашел его.

Криминалист бросил взгляд на Прохорова, который лениво тянул папиросу на той же скамейке. Белкин не стал уточнять, узнал ли Пиотровский дворника.

— Понятно, — бросил Нестор Адрианович и снова вернулся к осмотру тела.

— Можете что-то сказать?

— Митя, я много чего могу сказать, но не люблю говорить, когда не уверен.

Оставив криминалиста, Дмитрий подошел к Таратину. Тот опрашивал милиционеров.

— Долго вам еще?

— Никак нет. Уже заканчиваю.

Белкин сделал пару шагов в сторону, давая молодому коллеге завершить опрос, и остался один на один со своими мыслями. Прохоров узнал о нем от Стрельникова — больше неоткуда. Конечно, в городе Дмитрия знали, но историю об убийствах в 1931 году в «Правде» не печатали, сам убийца с бандитами связан не был, да

и вообще в той истории все концы ушли в воду вместе с единственным другом Белкина. Он вспомнил лицо Георгия таким, каким он увидел его на опознании в морге: «ушло в воду» — это неверное определение — Георгий завершил ту историю последней самоубийственной атакой, а не постыдным погружением на дно. Теперь все, до самого конца, знали только сам Белкин и Зина, и никто из них не собирался делиться этой тайной с кем-то другим.

Но Стрельников знал почти все, и то, что он решил рассказать о том деле постороннему, да еще из «среды», было странно. Пожалуй, Стрельников мог пойти на это только в одном случае — если Прохоров смог его убедить в том, что дело серьезное.

«Кого могут бояться бандиты? — Того, кого не понимают, Митя. Того, кого не знают. И того, кто страшнее их самих».

Стрельникову не обязательно было присутствовать рядом, чтобы Белкин вел с ним диалог. Разумеется, воображаемый. В период совместной работы они так и действовали. Белкин замечал, а Стрельников понимал, что именно он замечал. Почему-то больше ни с кем у Белкина так не получалось.

— Никто из них этого парня раньше не видел. Да и вообще ничего конкретного сказать они не могут. Поступил вызов — они его отработали.

Таратин появился рядом неожиданно для погруженного в свои мысли Дмитрия.

— Еще они сказали, что дворник и его... друзья, должно быть, принесли труп откуда-то, но они не стали приставать к ним с вопросами, решили дождаться нас.

— Да, труп действительно перенесли. Судя по всему, его... он выпал из грузовика.

— Это дворник сказал?

Белкин бросил взгляд на скамейку, но Прохорова на ней уже не было. Затем перевел взгляд на лицо Таратина и, немного подумав, решил играть в открытую — до определенной степени, конечно.

— Дворник Прохоров раньше был из наших клиентов — это, полагаю, вы и сами уже заметили. Что-то в этом трупе его обеспокоило настолько, что он решил привлечь милицию.

— Так, может, это с него мы должны начать?

— Не думаю. Если этот труп от него, его действия совершенно нелогичны. Нет, он действительно хочет, чтобы мы узнали, что произошло с бедолагой.

— Но это не значит, что у него нет своих целей.

— Не значит. Но пока что и сам этот труп, и единственный след у нас есть только благодаря ему.

— След? Какой след?

— А вот об этом я и хотел с вами поговорить. Прохоров говорит, что труп был на грузовике с номером МЛ-40-73. Его надо найти. Прохоров сказал, что этот грузовик регулярно по утрам проезжает по проспекту. И... — Белкин замялся, но решил все же закончить фразу: — ...Прохоров говорит, что это не первый труп, который везли на этом грузовике.

— Прохоров то, Прохоров се... — усмехнулся Таратин. — Что же он тогда сам не разобрался, если столько знает?

— А вот это, Женя, правильный вопрос. Не хочу вас раньше времени пугать, но, возможно, мы столкнулись с чем-то большим. Может быть...

Белкин вновь осекся, но на этот раз решил не договаривать. Он хотел сказать: «Может быть, с чем-то настолько большим, что это будет нам не по зубам».

Конечно, Таратин заметил паузу, но, поняв, что его коллега не собирается договаривать, лишь еще раз усмехнулся:

— Ладно. Поживем — увидим. Что сейчас-то делать? Искать этот грузовик?

— Да, займитесь этим, а я пока закончу здесь.

Таратин кивнул и спросил:

— Кстати, а что там с трупом? Пиотровский меня прогнал, толком ничего не сказав.

Пришло время Белкину усмехаться:

— Да, меня тоже. Не волнуйтесь, Нестор Адрианович свое дело знает, иначе его никто не стал бы терпеть.

Заложив руки в карманы, Таратин зашагал в сторону проезда.

Стоило молодому следователю скрыться за углом проезда, как Пиотровский окликнул Белкина. Когда Дмитрий поравнялся с криминалистом, тот произнес, совершенно не рисуясь и без привычной капризной нотки в голосе:

— Как же мне надоело гнуть спину над «жмурами», Митя. Вы бы знали!

— А я знаю.

— Ладно, к делу. Когда этот балбес от меня отстал, я смог кое-что обнаружить. Смотрите.

Белкин наклонился и посмотрел на то место, на которое указывал Пиотровский. А указывал он на сгиб локтя левой руки мертвеца — там расцветал болезненным цветком синяк от неаккуратно сделанной инъекции.